

Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ.

I.

Умственный міръ каждого изъ нась, на какой бы ступени развитія мы ни находились, представляеть цѣлое, крайне сложное и пестрое, по входящимъ въ его составъ мыслямъ, образамъ, сужденіямъ и т. д. Тутъ тѣсно сплетаются между собою, взаимно проникаютъ, условливаютъ и дополняютъ другъ друга въ самыхъ многообразныхъ сочетаніяхъ, состоянія мысли, чрезвычайно различныя и по своимъ основаніямъ, и по сопровождающей ихъ увѣренности въ ихъ содержаніи, и по значенію въ цѣломъ духовномъ строѣ. Нѣтъ такого ума, всѣ безъ исключенія мысли котораго обладали бы для него полной достовѣрностью, принимались бы имъ съ равною увѣренностью, — какъ нѣтъ и такого, который ни одной изъ своихъ мыслей не мыслилъ бы иначе, какъ съ неувѣренностью, съ вѣчно колеблющимся сомнѣніемъ и всегдашней готовностью отказаться отъ нея, какъ отъ иллюзіи. Нѣтъ такого ума, все содержаніе котораго состояло бы изъ однихъ непосредственныхъ знаній и убѣжденій, не требующихъ и не допускающихъ никакой попытки опосредствовать ихъ, дать себѣ въ нихъ отчетъ, доказать, оправдать ихъ; но невозможень и такой умъ, который обходился бы вовсе безъ всякаго непосредственного знанія, принятаго мыслю *отовымъ*, а не *построеннымъ* ею сознательно, который съ начала до конца былъ бы результатомъ своей собственной постройющей, дискур-

сивной, отчетной логической работы. Не существует ума, который мыслилъ бы только такія понятія и сужденія, которые вызываютъ въ немъ лишь *охотное согласіе*, свободное и положительное, не вынуждаемое у него неизбѣжною чувственною очевидностью, не зависящее отъ его собственныхъ нуждъ и запросовъ, или „геометрической необходимости“, — какъ не существует и ума, который не принималъ бы ни одного понятія или сужденія иначе, какъ вынуждаемый къ тому „геометрической необходимости“, несвободно. Не существуетъ также ни ума, обладающаго одними вѣрованіями безъ всякихъ знаній, ни обладающаго одними знаніями безъ всякихъ вѣрованій, какою бы степенью *увѣренности*, свойственной одинаково и вѣрованіямъ его и знаніямъ, ни сопровождались тѣ и другія. Какъ ни различны между собою, однако, состоянія мысли, представляющія непосредственное и посредственное, отчетное знаніе, — знаніе, принимаемое по „охотному согласію“ и вынуждающее у мысли согласіе съ собою по неизбѣжной очевидности и геометрической необходимости, — знаніе, въ которомъ она имѣть полную увѣренность, и то, въ которомъ не вполнѣ увѣрена, — всѣ эти различные состоянія мысли не остаются для нея только различными, обособленными, но тѣснѣйшимъ образомъ сплетаются между собою, взаимно проникаютъ и обусловливаютъ одни другія.

Тѣмъ сложнѣе и труднѣе представляется, конечно, задача — точно и ясно разграничить между собою эти столь различные состоянія мысли, изъ которыхъ постroiается цѣлое нашего умственного міра, понявъ ихъ во всемъ различіи ихъ оснований и предѣловъ ихъ законнаго примѣненія и значенія. Но тѣмъ выполнение этой задачи представляется и неизбѣжнѣе, и существеннѣе для мысли. Чѣмъ тѣснѣе переплетаются въ нашей мысли вѣрованія и знанія, непосредственная увѣренность и увѣренность, добытая изъ отчетного, доказательного логически мышленія, увѣренность непреложная и простое допущеніе, положительное согласіе ума съ содержаниемъ мысли, которой онъ хочетъ, и вынужденное „геометри-

ческою необходимостью⁴ согласie его съ этимъ содержаниемъ,—тѣмъ ближе опасность всевозможныхъ недоразумѣній и путаницы понятій; тѣмъ легче незамѣтно приписать дискурсивному, отчетному знанію то значеніе, какое принадлежитъ только знанію непосредственному, обратиться къ вѣрованію съ тѣми же требованіями, какія предъявляются къ простому знанію, или въ послѣднемъ искать замѣны вѣрованія,—перенести требованія вѣры въ лежащую внѣ ея собственной сферы область изученія опытныхъ порядковъ со-существованія и послѣдованія явлений, и наоборотъ—требовать пріемовъ, свойственныхъ только этому изученію, въ области мысли уже не о вѣшнихъ и отвѣтъ познаваемыхъ явленіяхъ, но о субстанціальномъ, феноменально непознаваемомъ. Ненадлежащее расширение или суженіе компетенціи вѣры, такъ же какъ и дискурсивного знанія, конечно не можетъ совершиться иначе, какъ къ ущербу и для той и для другого. Оно неизбѣжно приводить и къ ложнымъ взглядамъ на ихъ предметы, и къ исключению изъ ихъ областей предметовъ и вопросовъ, къ нимъ принадлежащихъ по праву, при включеніи въ нихъ вопросовъ и предметовъ, имъ чуждыхъ, искусственныхъ и лишенныхъ дѣйствительности.

Только на такой почвѣ смѣшенія состояній познающей мысли, различныхъ по своему значенію, по сферамъ приложения, основаніямъ и задачамъ, и могутъ создаваться попытки „научныхъ религій“, исключающихъ изъ религіозной мысли самую идею Бога, или „положительной этики“, пытающейся вывести идею долга, долженствующаго быть, изъ простого изученія порядковъ сущаго, того, что есть въ нашемъ наличномъ опыте. Попытки эти въ послѣднее время такъ многочисленны, такъ безконечно разнообразны, завѣдомо гипотетичны и сознательно односторонни, такъ способны удовлетворять только случайныя, личныя и партійныя, быстро мѣняющіяся настроенія, такъ далеки отъ того, чтобы исчерпать вызвавшую ихъ задачу (религіозную - ли, метафизическую или этическую) хотя-бы въ приблизитель-

ной ея полнотѣ и съ какой-либо основательностью и убѣдительностью, что мысль современаго человѣчества не можетъ на нихъ успокоиться. Ничего прочнаго и непоколебимаго, обоснованнаго и убѣдительнаго, ничего кромѣ недоумѣній, не разрѣшимыхъ новыхъ вопросовъ и безвыходныхъ колебаній между полуубѣжденіями, лишенными крѣпости и жизненной силы, не даютъ онѣ этой мысли. И единственный надежный оплотъ противъ ихъ вліянія, которое все растетъ и все глубже разлагаетъ современную мысль о самыхъ жизненно-важнѣйшихъ вопросахъ, все рѣшительнѣе расшатываетъ всякія прочныя вѣрованія и убѣжденія, отвѣчающія неумолкающимъ запросамъ духа, — представляетъ лишь ясное обнаруженіе лежащаго въ ихъ основѣ, общаго всѣмъ имъ *смышенія* различныхъ и по своему значенію и задачѣ, и по основаніямъ и условіямъ дѣятельностей, участвующихъ въ познаніи. Только на почвѣ точнаго разграничения ихъ, яснаго пониманія ихъ различнаго значенія и цѣнности, ихъ различныхъ пріемовъ, задачъ и сферъ компетенціи—и возможно послѣдующее введеніе ихъ въ систематическое цѣлое всего міровоззрѣнія,—каждой въ надлежащемъ объемѣ, направлениіи и содержаніи. Только на этой почвѣ возможенъ и дальнѣйшій *синтезъ* ихъ. Въ наше время существенно указывать не сходства между ними, не общее имъ всѣмъ, какъ состояніямъ мысли, какъ напр. то, что и вѣра, и знаніе отчетное, дискурсивное—одинаково представляютъ нѣкоторое мыслимоѣ содержаніе и вызываютъ согласіе мысли съ этимъ содержаніемъ, но именно различія. Между этими различіями первое по важности мѣсто занимаетъ различіе ихъ по тому значенію, которое въ цѣлой умственной жизни принадлежитъ той или другой. Доказывать, какъ дѣлаетъ это профессоръ Струнниковъ *), что вѣра не отличается отъ знанія въ томъ смыслѣ, что и тамъ и здѣсь есть *увѣренность*, съ которой мысль принимаетъ нѣкоторое мыслимоѣ содержаніе,

*) Вѣра, какъ увѣренность, по учению Православія, Самара 1887.

т.-е. знаніе, очень легко,—такъ легко, что не стоило бы и писать книги специально для такого доказательства, что „въ вѣрѣ существенна увѣренность“. Не думаемъ никакъ, чтобы и тѣ источники, которыми пользовался г. Струнниковъ для обоснованія этого своего „вывода“ *), при серьезномъ вниканіи въ нихъ, приводили лишь къ такому крайне скучному, ничтожному (и, какъ увидимъ, не вѣрному) выводу, что вѣра, какъ увѣренность, можетъ быть тождественна съ знаніемъ. За этимъ общимъ сходствомъ не скрываются ли весьма существенныхъ различій, — различій, которые очень ясно отмѣчены и философами, и учителями церкви, и безъ которыхъ никакого определенія вѣры и не получится никогда, ибо вѣдь нѣтъ определенія безъ *differentia specifica*, изъ однихъ общихъ, родовыхъ признаковъ? И обращая внимание только на общіе вѣрѣ и знанію, сходные признаки, игнорируя существенные различія ихъ, не облегчаемъ - ли мы пути именно къ тому смышенію вѣры и знанія, религіи и науки, и по значенію ихъ и по задачамъ и по приемамъ, — къ тѣмъ, одинаково искажающимъ и религіозную и научную мысль, попыткамъ замѣнить основанія и предметы одной—основаніями и предметами другой, которыхъ наше время и безъ того уже представляетъ слишкомъ много?

*) Г. Струнниковъ, «извѣрившись» почему-то въ возможности разрешенія вопроса о вѣрѣ и знаніи въ ихъ различіи или тождествѣ и взаимныхъ отношеніяхъ на почвѣ философской гносеологии, считаетъ рѣшеніе вопроса доступнымъ только на почвѣ *доиматической*, т.-е. изъ изученія Св. Писанія и святоотческихъ твореній. Такое ограниченіе своей области изслѣдованія тѣмъ болѣе странно, что самъ г. Струнниковъ не разъ признаетъ, что «свое учение о вѣрѣ Св. Писаніе не выражаетъ вполнѣ ясно и определенно въ какихъ-либо точныхъ, недопускающихъ недоумѣнія словахъ (стр. 58). При этой неопределенности догмата и при той свободѣ, съ которой г. Струнниковъ умаляетъ или отрицаєтъ значение всѣхъ различій между вѣрою и знаніемъ, указанныхъ напр. Григориемъ Богословомъ, Ioannomъ Златоустомъ, Василемъ Великимъ, Климентомъ Александрийскимъ, Ioannomъ Дамаскинымъ и друг., — конечно «догматический» характеръ его собственного рѣшенія, будто вѣра «вобще говоря совпадаетъ съ знаніемъ» (стр. 146 — 156 и др.), становится очень сомнительнымъ. Слишкомъ смѣло представляется и его попытка — выдавать свое собственное понятіе о тождествѣ вѣры и знанія (по крайней мѣрѣ въ идеалѣ) за ученіе самого Православія

Если гдѣ-либо вообще синтезъ можетъ быть дѣйствительно плодотворнымъ и поучительнымъ лишь на почвѣ предварительного точнаго и тщательнаго анализа, то именно въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи вѣры и знанія. Указаніе однихъ общихъ, сходныхъ признаковъ здѣсь ничего не произведетъ, кромѣ отнюдь не поучительнаго смѣщенія, смущенія мысли и недоразумѣнія. А они особенно прискорбны въ такомъ жизненно-важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о самомъ послѣднемъ основаніи нашей религіи и нашей науки, съ решеніемъ котораго разрѣшаются неизбѣжно и нѣкоторые вопросы о *самыхъ предметахъ* той и другой. Особенно бесплодно настаиваніе исключительно на сходствахъ, когда оно связано съ натяжками и небрежнымъ отношеніемъ къ предмету, не желающимъ видѣть въ немъ самыхъ общеизвѣстныхъ радикальныхъ отличій, какъ это мы встрѣчаемъ нерѣдко въ книгѣ г. Струнникова, не разъ повторяющаго напр. разсужденіе, что „вѣра, вытекающая изъ непреодолимыхъ и неоспоримо-истинныхъ потребностей чувства-ли то, или воли, не можетъ быть противополагаема вѣрѣ разума и науки“, потому что послѣднія „принимаютъ де во вниманіе“ данные и тѣхъ сторонъ духа (стр. 9 — 10). Конечно, признавъ, что „разумъ и наука“ *такъ же* „принимаютъ во вниманіе“ данные чувства и воли, какъ и данные опыта порядка явлений, геометрическія построенія и метафизическая понятія, и что они *одинаково* ко всему этому относятся въ построеніи знанія,—можно договориться и до того, что разумъ и наука вовсе не отличаются отъ хотѣнія и чувствованія *). Но едва-ли подобная „мысль“ найдетъ себѣ мѣсто

*) Г. Струнниковъ ставитъ напр. дилемму: или чувство имѣеть то же значеніе, что и другія данные нашего сознанія,—и тогда вѣру нельзя противополагать знанію,—или область чувства исключительно область субъективизма и мечты (I, стр. 12). Если бы г. Струнниковъ не такъ послѣднѣо «извѣрился» въ презираемой имъ не только у свѣтскіхъ философовъ, но и у учителей церкви философской гносеологии, то могла бы заслужить его вниманія и размышленія и третья возможность, что данные чувства, вовсе не составляя царства субъективизма и мечты, имѣютъ однако вовсе и не то значеніе, какъ *данныя предметного, феноменального знанія* (изъ области котораго всякое вмѣ-

въ какой бы то ни было наукѣ, философской-ли, какъ гно-
сеологія, или эмпирической, какъ психологія, или доктри-
нической! Подобныя разсужденія способны не разъяснять во-
просъ, а лишь устраниять его, отвлекать отъ него вниманіе
читателя, а потому не только совершенно безплодны, но
для дѣла и вредны. Конечно, при помощи такихъ пріемовъ
можно легко доказать какое угодно сходство между чѣмъ
угодно (въ родѣ напр. разсужденія, часто встрѣчающагося у
того же автора, что непосредственное знаніе не отличается
отъ посредственного, ибо въ обоихъ даны и знаніе и увѣ-
ренность). Гораздо труднѣе, повторяемъ, задача уловить и
точно опредѣлить различія между столь тѣсно и много-
образно между собою сплетающимися, столь глубоко вза-
имопроникающими состояніями духа, какъ состоянія вѣ-
ры и знанія,—выяснить ихъ различное для цѣлаго духовнаго
строя значеніе, мѣсто въ немъ и предѣлы распространенія.
За то эта аналитическая задача и несравненно важнѣе и
плодотворнѣе.

II.

Въ изученіи явлений духовной жизни задача ихъ точнаго
анализа встрѣчала, помимо ихъ чрезвычайной, въ сравненіи
съ предметами внѣшняго опыта, сложности и текущаго много-
образія формъ, еще одно почти непреоборимое затрудненіе,
отъ помѣхъ котораго только въ новое время наука о духѣ
начинаетъ постепенно освобождаться.

Затрудненіе это состояло, да въ некоторой мѣрѣ состо-
ить и теперь, въ чрезвычайно одностороннемъ сосредото-
ченіи интереса изслѣдователей исключительно на *одной*
сторонѣ жизни духа, которой и придается далеко непри-
надлежащее ей въ цѣломъ этой жизни, всерѣшающее
значеніе. Изъ тѣхъ трехъ нераздѣльно сопринадлежащихъ
и во всякомъ душевномъ событии связанныхъ формъ, въ
которыхъ проявляетъ себя душевная жизнь (познающій

щательство личного чувства, какъ извѣстно, тщательно устраняется). Не ду-
маемъ, чтобы эта третья возможность, неизвѣстная г. Струнникову, была не
извѣстна учению Православія и его авторитетнымъ учителямъ.

интеллектъ, воля и чувство), интересъ психологовъ и философовъ, изучающихъ эту жизнь, до послѣдняго времени — если не исключительно, то въ крайне преобладающей степени сосредоточивается на одной интеллектуальной, теоретико-познавательной сторонѣ духовной дѣятельности. Ея состояніямъ и формамъ, въ которыхъ духовное начало является *не творчески-дѣятельнымъ*, созидающимъ, но лишь *усвояющимъ*, опредѣляющимъ данный ему предметъ, были склонны приписывать значеніе, исчерпывающее чуть-ли не весь смыслъ духовной жизни и всю ея задачу, оставляя волѣ и чувству лишь весьма второстепенное, несущественное значеніе. Особенно замѣтна и характерна эта тенденція въ философіи новой и новѣйшей,—философіи критической, которая въ основу всего философскаго построенія полагаетъ, какъ всерѣшающій, вопросъ не о бытіи, а *о знаніи*. Для такой философіи, конечно, и теоретико-познавательная дѣятельность духа и ея состоянія (представленія, понятія, воспріятія) представлялись важнѣйшимъ и реальнѣйшимъ изъ всѣхъ предметовъ мысли. Это наложило очень характерную печать и на философское и на психологическое пониманіе жизни духа, ея условій, законовъ и требованій.

Въ психологіи почти до послѣдняго времени ученія о волѣ и чувствѣ оставались крайне мало разработанными въ сравненіи съ ученіями объ ощущеніи, представлениі, асоціаціи, памяти, разсудкѣ, воображеніи и т. п. Они излагались крайне отрывочно, эпизодически, въ видѣ какихъ-то второстепенныхъ добавленій къ *главному*, къ ученію не о дѣятельной, но объ усвояющей, теоретико-познавательной сторонѣ духовной жизни. Творческій, дѣятельный характеръ этой жизни отодвигался на задній планъ, забывался и даже вовсе отрицался ради будто-бы едино — опредѣляющей ее теоретико-познавательной ея задачи: жизнь духа и познаніе, мышленіе, чуть не прямо отождествлялись. Самая воля и чувство понимались здѣсь лишь какъ производныя, вторичныя направленія и формы душевной жизни, развивающіеся на почвѣ воспріятій,

представленій, ихъ ассоціацій и т. п., вполнѣ обусловленные жизнью интеллекта, являющіяся конечными результатами разнообразныхъ комбинацій между его познавательными состояніями и очень мало обусловливающія его жизнь изъ себя. О какой-либо самостоятельности ихъ, о какой-либо дѣйствительной „психической активности“, какъ характеризующей самую душевную жизнь, здѣсь не могло быть и рѣчи. Поворотъ отъ этой психологіи интеллекта, искашшей лишь законовъ психической механики, но не живой дѣятельности, начался съ указанія Т. Броуномъ на то значеніе, которое имѣютъ чувства дѣятельности, главнымъ образомъ мускульныя, для образованія самыхъ элементарныхъ нашихъ интеллектуальныхъ состояній, ощущеній и воспріятій. Роль дѣятельныхъ движеній и сопровождающихъ ихъ дѣятельныхъ чувствъ какъ въ общей экономіи психической жизни, такъ и специальнно въ развитіи теоретико-познавательной ея интеллектуальной стороны выяснялась съ тѣхъ поръ все полно и опредѣленно во всемъ ея рѣшительному для пониманія психической жизни значеніи. Теперь не найдется уже психолога, который отвергалъ бы вполнѣ это значеніе, но встрѣчаются даже и психологи, прямо начинаяющіе психологію не съ ученія о пассивномъ будто-бы ощущеніи или воспріятіи, а съ ученія о мускульномъ чувствѣ (и обѣ однородныхъ съ нимъ иннервационныхъ и др.). Вмѣстѣ съ этимъ все очевиднѣе становится необходимость участія дѣятельного, волевого (а слѣдовательно и эмоціонального) начала во всякомъ психическомъ событии. Для психологіи нашего времени однимъ изъ основныхъ ученій является ученіе такъ называемаго *психическаго спектра*, т.-е. ученіе о необходимой связи и взаимной зависимости всѣхъ трехъ психическихъ формъ въ каждомъ душевномъ состояніи, будь оно характеризуемо нами какъ теоретико-познавательное, или волевое, или эмоціональное. Только съ этимъ является и возможность понять самостоятельную, особенную роль каждой изъ трехъ сторонъ психического процесса въ общей душевной экономіи, получается и возможность болѣе

полной и научной разработки ученій о волѣ и чувствѣ. Только съ этимъ, повторяемъ, является и твердая почва для такихъ психологическихъ ученій, какъ пріобрѣтающее себѣ за послѣдніе годы все болѣе adeptовъ ученіе, полагающее въ основу всей душевной жизни уже не интеллектуальная, познавательная, только усвояющія и опредѣляющая данное, состоянія, но волевую дѣятельность,—ученіе той „психической активности“, которая для многихъ изъ психологовъ старой школы неизбѣжно оставалась только заманчивымъ, но недосягаемымъ метафизическімъ постулатомъ.

Не менѣе рѣшительно повліяла указанная одностороння склонность къ пониманію духа и на рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ гносеологии. Какъ наука о познаніи истины и его условіяхъ, гносеология повидимому болѣе какого-либо другого отдала науки о духѣ имѣла основаніе ограничиться разсмотрѣніемъ условій и требованій одной чисто-познавательной стороны интеллектуальныхъ процессовъ духа, игнорируя ихъ волевую и эмоциональную стороны. Но значеніе послѣднихъ и для задачи гносеологии неизбѣжно должно было сказаться очень опредѣленно. Вѣдь познаніе, стремящееся стать объективнымъ, отвѣчающимъ данному предмету, и начинается съ знанія субъективнаго и слагается субъективными процессами. Знаніе предметное все насквозь, съ начала до конца, опосредствовано субъективнымъ. Истина предметная, къ пріобрѣтенію которой оно стремится, есть *не вся* истина, но только часть ея, и—еще вопросъ: важнѣйшая ли даже часть ея? Вѣдь кромѣ предмета, къ которому познающей субъектъ стоитъ и долженъ, по основному предположенію предметного знанія (опредѣленность предмета, независимая отъ случайного воспріятія его, случайной мысли о немъ), стоять въ отношеніи внѣшности, остается еще самъ этотъ субъектъ, который тоже знаетъ нѣчто о себѣ и знаетъ первѣе, непосредственнѣе! И становясь самъ „предметомъ“ знанія о себѣ, вѣдь этотъ субъектъ очевидно становится

къ себѣ, познающему себя какъ предметъ, въ *иное*, болѣе тѣсное и внутреннее отношеніе, чѣмъ какое представляеть знаніе его о *внѣшнемъ* предметѣ. Его знаніе о себѣ прежде всего отличается отъ того знанія, какъ знаніе *непосредственное*, знаніе самой познаваемой вещи, отъ знанія *отношеній* познающаго субъекта къ *внѣшнему* ему и только въ своихъ воздействиахъ на него дающему знать о себѣ, неизвѣстному предмету. А только знанію непосредственному, представляющему cognitionem rei, а не cognitionem circa rem—не знаніе однихъ условій и отношений,—и можетъ быть приписываемо значеніе не феномenalnаго только, но метафизического знанія! И это непосредственное знаніе субъекта о себѣ, въ которомъ познающій субъектъ и познаваемый предметъ совпадаютъ, относятся другъ къ другу не отвѣтъ, но внутренно-едины, есть именно знаніе его о себѣ не какъ о пребывающемъ предметѣ, не какъ о представлениіи, но какъ о волящемъ и чувствующемъ,—знаніе о себѣ въ стремлении, усилии, дѣятельномъ напряженіи. Воля и чувство, только одни непосредственно вѣдомыя познающему субъекту, очевидно вносятъ въ его истинное познаніе о себѣ самомъ такія совершенно особыя условія и требованія, которымъ ничего не отвѣчаетъ въ области познанія предметного и посредственного. Истинное познаніе въ одной области очень существенно должно отличаться по своимъ условіямъ и значенію отъ истинного познанія въ другой, и каждое въ полной системѣ знанія должно имѣть свое мѣсто, принадлежащее ему по праву.

Гносеология очевидно только тогда вполнѣ выполнить свою задачу, когда установить такое понятіе знанія, въ которомъ обѣ эти истины съ соотвѣтствующимъ имъ различіемъ отношенія познающей мысли къ своему предмету (*внѣшнимъ*, опосредствованнымъ и внутреннимъ, непосредственнымъ) вошли бы какъ составные моменты, во всемъ различіи своего содержанія, значенія и условій и примиренные въ высшемъ единству.

Но это различіе моментовъ полной истины, безъ пони-

манія котораго невозможенъ и ихъ синтезъ, пониманіе ихъ органическаго строя,—въ чёмъ преимущественно выражает-ся оно? Какъ мы уже намекали, а далѣе убѣдимся вполнѣ, это прежде всего различное отношеніе къ вѣшнему или внутренне-познаваемому предмету *воли и чувства*, связанныхъ съ мыслю о томъ и другомъ, а не различіе въ чисто интеллектуальныхъ формахъ и приемахъ логическаго мышленія. Послѣднее вездѣ и всегда одинаково, вездѣ себѣ вѣрно, во всѣхъ областяхъ мысли ставить одни и тѣ же условія и требованія, совершаются въ однихъ и тѣхъ же формахъ и по однимъ и тѣмъ же законамъ; логическое мышленіе, какъ такое, совершенно одинаково и въ богословіи и въ химіи, и въ физикѣ и въ этикѣ. Равно во всѣхъ областяхъ мысли оно обязательно и даже неизбѣжно: отъ дѣйствій на порядокъ и связь нашихъ мыслей законовъ тождества, противорѣчія и достаточнаго основанія не властенъ осво-бодиться ни одинъ умъ, будь его мысли, логически раскры-ваемыя, развиваemyя имъ въ сужденіяхъ, умозаключеніяхъ и т. п.,—низменныя или возвышенныя, будь они образами дѣйстви-тельности или фантазмами безумнаго. Не съ точки зрењія од-нихъ этихъ общихъ всякому процессу мысли (независимо отъ его содержанія) формальныхъ требованій ея возможно установить ясное понятіе о различіи, по условіямъ и зна-ченію, между истиннымъ знаніемъ о предметѣ, полагаемомъ вѣ нась, познающихъ, и знаніемъ о предметѣ, внутренне съ нами единомъ. Съ этой точки зрењія, *безразличной* ко всякому содержанію, какое бы то ни было содержаніе, разъ оно мыслится съ какою-либо увѣренностью и въ ло-гическихъ формахъ, есть знаніе,—можетъ быть и мнимое, можетъ быть и неполное и неважное, но все же знаніе. Оставляя безъ вниманія различное отношеніе познающаго субъекта къ предмету, полагаемому имъ вѣ себя и позна-ваемому только изъ вѣшнихъ отношеній, и къ предмету, познаваемому имъ непосредственно, вѣ себѣ, во внутрен-немъ съ собою единствѣ или единеніи (какъ знаетъ онъ напр. свою волю), мы очевидно упустимъ изъ виду суще-

ственнѣйшую характеристику знаній разныхъ порядковъ. Отождествляя ихъ по существу и по значенію, мы невѣрно поймемъ ихъ различіе какъ только различіе видовъ одного знанія по степени его совершенства, ясности, раздѣльности, достовѣрности и т. п. Мы съ этой точки зрењія неизбѣжно оставимъ безъ должнаго вниманія то выраженіе внутренняго единства и единенія съ внутренно познаваемымъ предметомъ въ положительному отношеніи къ нему воли и чувства познающаго лица, примѣръ котораго представляеть намъ познаніе движущаго нашу волю (и реализующагося черезъ нее) идеала. Не оцѣнимъ мы и не поймемъ, какъ должно, и того намѣреннаго устраниенія всякаго вмѣшательства воли и чувства въ работу мышленія, которое необходимо отъ него требуется, разъ оно себѣ поставило задачею быть возможно предметнымъ, т.-е. знаніемъ о предметѣ, полагаемомъ внѣшнимъ познающему субъекту, независимымъ, какъ предметъ, отъ его вѣрной или же невѣрной мысли, отъ его воли и чувства. То *охотное согласіе* съ мыслимымъ содержаніемъ, въ которомъ Григорій Богословъ видитъ существеннѣйшее опредѣленіе вѣры въ отличіе отъ знанія; та положительная зависимость вѣры и невѣрія человѣка отъ его нравственного настроенія, отъ его воли, на которой настаиваетъ Іоаннъ Златоустъ; та необходимость свободы въ дѣлѣ усвоенія вѣры, которая дѣлаетъ насъ вмѣняемыми за вѣру и невѣріе, не такъ какъ за простое знаніе и незнаніе единообразій явлений; та *страстность*, которая свойственна всякой вѣрѣ въ отличіе отъ предметнаго, феноменального знанія и ея несравнимое съ значеніемъ того или другого феноменального знанія отношение ко всей духовной экономии человѣка, ко всѣмъ сторонамъ его духовнаго бытія; то отношение вѣры къ надеждѣ, въ силу котораго вѣра опредѣляется апостоломъ, какъ *сущность надежды* (къ Евр. гл. XI), — все это останется для насъ непонятнымъ и какъ бы несущественнымъ для характеристики вѣры въ отличіе отъ знанія. Но что остается отъ вѣры (не только религіозной, но и вѣры въ какой бы то ни было идеалъ или лицо) по устраниеніи изъ нея „охотнаго согласія“, „сущности надежды“, „воли“, „свободы“,

„страстнаго влеченія“ и тому подобныхъ признаковъ, принадлежащихъ очевидно къ совершенно иной области, чѣмъ область логического, предметнаго мышленія? Очевидно, не останется ничего, специфически свойственаго вѣрѣ: останется только „мышленіе съ увѣренностью нѣкотораго содержанія“, т. е. нѣчто, что мы одинаково находимъ и въ вѣрѣ, и въ предметномъ мышленіи, и даже въ галлюцинаціи или сновидѣніи.

На этой почвѣ мы отождествимъ вѣру съ знаніемъ вообще, но отождествимъ лишь, отнявъ у нея всѣ *существенные* признаки, дѣлающія ее вѣрою, и оставивъ за нею лишь признаки нѣкотораго знанія, мышленія содержанія *вообще*. Къ такому не только безплодному, но и прискорбному результату и приходитъ г. Струнниковъ въ своей книгѣ „Вѣра какъ увѣренность“, идя по указанному пути разбора однихъ теоретико-познавательныхъ условій вѣры и знанія. Онъ разсуждаетъ такъ: „Св. Писаніе допускаетъ мысль, что всѣ (перечисленные имъ ранѣе) пріемы убѣжденія могутъ быть полезны и произвести въ томъ или другомъ лицѣ вѣру; предположивъ же такой случай, мы получимъ вѣру, основывающуюся на ясномъ сознаніи ея истины, — иначе получимъ вѣру, вполнѣ (?!) тождественную съ формальной, или что то же субъективной стороны, съ тѣмъ, что обыкновенно называется знаніемъ“ (I, 117). Отсюда г. Струнниковъ и приходитъ къ выводу, что „вообще говоря, вѣра тождественна съ знаніемъ“ (II, 156—157). Онъ не замѣчаетъ, по странному недоразумѣнію, что если бы вѣра и знаніе дѣйствительно ничѣмъ существенно не различались, то и различіе ихъ, двойство было бы совершенно излишне, и вѣра была бы лишена всякаго смысла для того, у кого есть уже знаніе, какъ и знаніе лишено смысла для того, кто имѣеть уже вѣру, — выводъ, безусловно не отвѣчающій ни дѣйствительному строю нашей духовной жизни, ни ея кореннымъ нуждамъ и законамъ, по которымъ, какъ увидимъ, вѣра и знаніе необходимо обусловливаютъ другъ друга и дополняютъ, и уже поэтому не могутъ совпадать, т. е. быть тождественными. И къ такому безусловно безплодному, по

крайней мѣрѣ для гносеологии, выводу приводить неправильный гносеологический приемъ—разсмотрѣнія однихъ логическихъ условій вѣры и знанія съ полнымъ невниманіемъ къ значенію воли и чувства.

Если бы, повторяемъ, для познающей мысли существовалъ только вѣшній субъекту и только отвѣтъ, изъ вѣшнихъ своихъ отношеній познаваемый предметъ, но не было бы самого субъекта, внутренно съ собою единаго въ волѣ и чувствѣ и въ этомъ единствѣ себя знающаго,—то такое оставленіе гносеологію безъ вниманія различныхъ отношений воли и чувства къ познаваемому было бы оправдано. Но субъектъ для мысли несомнѣнно есть и ею познается такъ или иначе. Поэтому, оставаясь исключительно на точкѣ зрѣнія безвольнаго и безчувственнаго, односторонне-предметнаго, феноменальнаго знанія о томъ, что къ познающему субъекту относится только отвѣтъ, съ нимъ никогда не едино, гносеология прямо отклоняется отъ своей задачи, произвольно выдаетъ часть истины за ея цѣлое, давая невѣрное понятіе и о цѣломъ и объ этой части.

Такова и была чаще всего судьба гносеологии въ томъ именно вопросѣ, который насъ занимаетъ,—въ вопросѣ о различіи и взаимномъ отношеніи вѣры и знанія. Оставаясь на точкѣ зрѣнія исключительно предметнаго, безвольнаго и бѣзстрѣннаго знанія, какъ *всего возможнаю вообще знанія*, гносеология при одинаковости, во всѣхъ сферахъ, общихъ формальныхъ условій и законовъ послѣдняго, естественно сводила все различие между вѣрою и знаніемъ къ простому различію въ *степени выполненія* условій предметнаго мышленія. Самое большее, чего она могла достигнуть въ этомъ отношеніи,—это поставить въ связь возможную степень выполненія условій предметнаго, логического мышленія въ знаніи съ особенными свойствами ихъ предметовъ, болѣшею или менѣею ихъ доступностью опыту, анализу и т. п. Отсюда—столь распространенные понятія о вѣрѣ, какъ о зародышѣ, неразвитомъ начаткѣ знанія или только одномъ изъ его первоначальныхъ условій съ одной стороны,—или какъ о конеч-

ной задачѣ предметнаго знанія, его вѣнцѣ и завершениіи съ другой,--понятія, въ которыхъ различіе между вѣрою и знаніемъ признается не *качественное*, но только количественное. Отсюда же послѣдовательно вытекаетъ понятіе, будто вѣра и знаніе, какъ качественно однородныя и только количественно различные ступени въ развитіи одного и того же интеллектуального, познавательного процесса, въ исторіи человѣческой мысли постепенно замѣняютъ, упраздняютъ одно другое, будучи по своей конечной задачѣ тождественными. Отсюда и извѣстный „законъ развитія“ О. Конта, по которому религія (какъ только особая форма предметнаго міропониманія) замѣняется въ развитіи метафизикою, а послѣдня—положительною наукой, такъ же какъ и противоположный историко-философскій законъ, выраженный у насъ между прочимъ въ послѣднее время проф. Остроумовымъ *), по которому въ религіи не начало только, но послѣдня ступень развитія предметнаго знанія, идеальъ его. Отсюда и Ансельмово *credo ut intelligam*, гдѣ вѣра является какъ-бы подготовительною ступенью къ предметному знанію, и Лессингово чрезвычайно распространенное убѣжденіе (высказанное въ Ueber d. Erziehung des Menschengeschlechts), будто истины Откровенія съ развитіемъ должны постепенно обращаться въ истины разума, и выросшій на почвѣ этого убѣжденія религіозный раціонализмъ. Отсюда—и масса благонамѣренійшихъ, но не достигающихъ своей цѣли попытокъ обращенія субстанціальныхъ истинъ вѣры, во что бы то ни стало, въ безстрастныя феноменальныя истины разума. Отсюда же, наконецъ, при отчаяніи въ возможности подставить вездѣ предметно-познающій разумъ на мѣсто вѣры и при глубокомъ убѣжденіи въ истинѣ и жизненной необходимости послѣдней для всего нашего духовнаго бытія,—свойственная столь многимъ, дорожащимъ выше всего своею вѣрою, враждебность къ разуму, какъ естественному врагу вѣры, готовность исповѣдывать только слѣпую, немотивированную

*) Исторія философіи въ отношеніи къ Откровенію. Харьковъ 1886.

чисто пассивную вѣру и увѣренно повторять мрачное Тертулліановское *credo quia absurdum, certum quia impossibile*. Совершенно очевидно, что и о взаимной замѣнѣ вѣры знаніемъ или обратно, такъ же какъ и о возможной дѣйствительной враждебности вѣры знанію и борьбѣ между ними, возможно говорить лишь дотолѣ, пока вѣра и предметное знаніе признаются *качественно и по значенію однородными* видами знанія, различными лишь по своему логическому совершенству, логическимъ **условіямъ** и предметамъ. Гдѣ нѣтъ этого предположенія, тамъ ни взаимная замѣна, ни вражда и борьба между вѣрою и знаніемъ уже немыслимы, а остается возможенъ лишь вопросъ о порядкѣ ихъ *соподчиненія въ цѣлой системѣ мысли по значенію*, принадлежащему имъ въ ея цѣломъ.

Почву для этого предположенія даетъ, какъ мы старались выяснить, признаніе предметной истины и соответственного вѣшняго, безвольного и безстрастного отношения познающей мысли къ своему предмету, за единственную и за всю истину, за единственно возможное отношение познающего къ познаваемому, — признаніе интеллекта, только познающего *данное*, за весь духъ или по крайней мѣрѣ за единственное основное и существенное опредѣленіе духа. Однако даже разсматривая только одинъ теоретико-познающій интеллектъ какъ такой, мы и его дѣятельность, условія и законы дѣйствительно поймемъ не иначе, какъ выяснивъ себѣ участіе въ его процессахъ начала уже не познавательного, но дѣятельного — *воли*. И въ жизни интеллекта самого по себѣ волѣ во многихъ отношеніяхъ принадлежитъ очень существенное и рѣшающее значение.

III.

Признаніе основного значенія волевого начала во всей психической жизни вообще, и въ интеллектуальной стороны-**ся**, направленной на познаніе, — въ частности, со всякимъ днемъ все болѣе упрочивается и распространяется въ психологіи новѣйшаго времени. Къ волевымъ актамъ и состоя-

ніямъ приводится даже самое зарожденіе психической жизни, первое пробужденіе сознанія; отъ нихъ же въ зависимость ставится и постепенно возрастающая опредѣленность по содержанію самыхъ элементарныхъ душевныхъ состояній нашихъ, ощущеній и воспріятій, такъ же какъ и дальнѣйшія работы интеллекта надъ этимъ элементарнымъ, сырымъ матерьяломъ. Только изъ такъ называемыхъ „произвольныхъ“ движений, сопровождаемыхъ какими бы то ни было смутными чувствами *усилія, напряженія*, и зарождается самая элементарная форма сознанія и психической жизни,—то *самочувствіе*, которымъ обладаетъ всякое живое существо, пока оно живо, и самое низшее по организаціи, и высшее. Дальнѣйшія психическая состоянія существа, его первыя впечатлѣнія, суть только сознаваемыя имъ, подмѣчаемыя *измѣненія въ условіяхъ тѣхъ выполняемыхъ имъ усилий, напряженій, въ которыхъ оно получаетъ самочувствіе* *). Только черезъ ихъ посредство (хотя-бы въ формѣ сознанія границы, сопротивленія) эти состоянія становятся сознаваемыми. Поэтому существо, вовсе лишенное всякихъ произвольныхъ, сопутствуемыхъ чувствами усилия, напряженія, движений, было бы навсегда лишено возможности и самочувствія, и какого бы то ни было сознанія впечатлѣній, ощущеній,—вообще лишено психической жизни. Поэтому же со всякимъ состояніемъ сознанія, безъ исключенія, соединена какая бы то ни была форма движенія (выраженіе, жестъ, мысленная рѣчь и пр.), сопутствуемаго чувствами усилия, напряженія въ разнообразныхъ формахъ (отъ формы мускульныхъ и иннервационныхъ чувствъ, до чувствъ напряженности вниманія). Они, эти *дѣятельныя* чувства, лежать въ основѣ всѣхъ другихъ состояній духа, черезъ ихъ посредство сознаваемыхъ, опредѣляющихся въ своемъ содержаніи, раздѣляемыхъ и соединяемыхъ и т. п. Они же составляютъ и необходимый признакъ и условіе жизни (по крайней мѣрѣ животной жизни) вообще. Совершенно очевидно, что произвольное движение, какъ усиліе или напряженіе со-

*) Въ этой *подмѣтѣ* и состоитъ «перцепція».

вершающаго его существа, не можетъ не сознаваться послѣднимъ хотя-бы въ самой смутной формѣ. Очевидно также, что для совершающаго его существа оно не можетъ не имѣть какой-либо опредѣленной цѣнности; и если всѣ прочія психическія состоянія получаются черезъ его посредство и на его почвѣ, то отъ него заимствуютъ они первоначально и свой оттѣнокъ цѣнности для субъекта. Существо, лишенное всякаго произвольного движенія, было бы не только лишено всякаго сознанія вообще, но ничему, никакимъ своимъ состояніямъ не придавало бы никакой цѣнности, было бы безусловно индифферентнымъ. Но безъ какого бы то ни было сознанія своихъ состояній и безъ приданія имъ какой-либо цѣнности, оно и не могло бы совершать движеній, регулированныхъ такъ, чтобы они могли служить выполненію перваго общаго и необходимаго условія всякой жизни—*приспособленія* къ средѣ и приспособленія среды, т. е. оно вовсе не могло бы и жить.

Это общее значеніе для психической жизни волевого начала, выражающагося въ движеніи, и непосредственно вѣдомаго субъекту въ чувствахъ дѣятельнаго и цѣннаго для него усиля, напряженія, въ наше время психологію достаточно выяснено и для разныхъ частныхъ областей психической жизни. Роль мускульныхъ чувствъ въ зарожденіи и опредѣленіи содержанія нашихъ внѣшнихъ воспріятій установлена совершенно несомнѣнно. Всѣ наши органы чувствъ даютъ намъ тѣмъ болѣе точныя, содержательныя показанія, чѣмъ болѣе они снабжены тонкимъ и сложнымъ мускульнымъ аппаратомъ, способнымъ доставлять намъ много разнообразныхъ мускульныхъ чувствъ, выполняя разнообразныя движения. Для самой цѣли познанія внѣшнихъ впечатлѣній органы чувствъ являются такимъ образомъ не столь важными въ качествѣ аппаратовъ *пассивно-воспринимающихъ* соотвѣтствующія ихъ устройству (покровамъ, внутреннимъ средамъ) внѣшнія раздраженія, сколько въ качествѣ аппаратовъ произвольнаго связанного съ мускульными чувствами движенія. Особенно яркую иллюстрацію сказаннаго даетъ намъ дѣя-

тельность глаза и органовъ осязанія; и извѣстна весьма благовидная и все болѣе подтверждаемая теорія, видящая во всѣхъ вѣщахъ чувствахъ нашихъ только болѣе и болѣе развивающіяся формы одного общаго элементарнаго чувства дѣятельнаго *осязанія* *), въ основѣ показаній кото-раго лежать именно мускульныя и иннервационныя чувства. Важность связанныхъ съ послѣдними произвольныхъ движений для воспринимаемыхъ нами отвѣтъ впечатлѣній, для разнообразія ихъ и послѣдовательнаго измѣненія въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ, а слѣдовательно и для опредѣленія и уясненія самаго содержанія нашихъ воспріятій, на столько очевидна, что настаивать на ней излишне. Основное положеніе психологіи Горвица: «нѣтъ ощущеній безъ движений» и обратно,— нынѣ можетъ считаться основнымъ положеніемъ всякой научной психологіи. Но значеніе движений и соотвѣтствующихъ ему чувствъ дѣятельности, волевого напряженія не менѣе несомнѣнно и въ другихъ, высшихъ сферахъ психической жизни. Кто не знаетъ о томъ значеніи, какое имѣютъ жестъ и слово (хотя-бы и въ формѣ мысленной рѣчи) для приданія содержанію выражаемаго ими психического состоянія большей опредѣленности, полноты, точности и яркости,—а весьма часто даже и для возбужденія въ сознаніи этого состоянія, прежде отсутствовавшаго? Кто не знаетъ о роли напряженія вниманія въ дѣлѣ пониженія или повышенія «порога сознанія» для тѣхъ или иныхъ раздраженій, ощущеній, представлений, понятій и т. п., а слѣдовательно и въ дѣлѣ репродукціи, воображенія и сужденія? Кто не знаетъ о роли ихъ же въ важнѣйшемъ для всей интеллектуальной жизни дѣлѣ «апперцепціи», усвоенія новаго содержанія сознанія, введенія его въ область содержанія, уже ранѣе усвоеннаго, готоваго? Кто, наконецъ, не знаетъ о различіи движений по ихъ массивности (распространенности на всю систему), напряженности и эмоці-

*) Въ нашей литературѣ очень красивое изложеніе этой теоріи читатель можетъ найти въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ» Вл. С. Соловьева.

нальности, смотря по определенности или неопределенности, ясной сознательности или полусознательности, новизнѣ или привычности выполняемаго ими акта? Вездѣ, во всѣхъ событияхъ психической жизни волевое начало, проявляющееся въ движениахъ и внутренно вѣдомое въ чувствахъ дѣятельного усилия, напряженія, является центральнымъ, все опредѣляющимъ факторомъ. Это на столько подтверждено самыми вѣскими и многосторонними доводами, что мы не будемъ далѣе останавливаться на этомъ положеніи *).

Такова роль воли въ цѣломъ строѣ психической жизни вообще; такою и остается она въ частности въ сферѣ низшаго, наивнаго, некритического знанія, которое не вполнѣ точно иногда называютъ знаніемъ непосредственнымъ **). На ступени этого знанія человѣкъ довольствуется наличными, случайно добытыми имъ представлениями о доступномъ ему мірѣ, не стремясь дать себѣ отчетъ въ нихъ, решить вопросъ, можетъ-ли онъ приписывать этимъ представлениямъ своимъ и сужденіямъ общегодность, приемлемость ихъ всякимъ другимъ умомъ и въ другихъ условіяхъ вообще, или признаетъ ихъ годными только для себя, въ своихъ особенныхъ условіяхъ? — соотвѣтствуетъ - ли его представлениямъ о мірѣ и себѣ самомъ какая-либо дѣйствительность, или же дѣйствительный окружающій міръ и онъ самъ вовсе не то, чѣмъ ихъ рисуютъ ему наличныя представленія? Не ставя себѣ этихъ вопросовъ, но довольствуясь безъ проверки наличнымъ запасомъ своихъ представлений и суж-

*) Тѣмъ охотнѣе ограничиваюсь здѣсь однимъ общимъ указаніемъ, что ранѣе много разъ уже высказывался обѣ этомъ предметѣ болѣе обстоятельно, особенно во 2-й главѣ «Чувство, какъ нравственное начало» (Москва 1886 г.), въ брошюре „Понятіе психического ритма“ (Москва 1882), а также въ статьѣ «Страданіе и наслажденіе жизни» (Спб. 1885 г.) и др.

**) Не вполнѣ точно, ибо въ основѣ всего содержанія этого знанія о какихъ бы то ни было предметахъ лежитъ знаніе, данное въ нашихъ дѣятельныхъ чувствахъ (мускульныхъ, иннервационныхъ, сопротивленія и др.). Только послѣднее — въ точномъ смыслѣ слова *непосредственное*, основное знаніе, все же прочее — лишь опосредствованное, производное, хотя-бы и безотчетно-опосредствованное.

деній, какъ достаточными для его практическихъ житейскихъ нуждъ указаніями, какъ лично для него пріятными или непріятными, возбуждающими его къ дѣятельности и направляющими ее, или не возбуждающими субъективными состояніями своими,—онъ и остается на почвѣ только субъективнаго, утилитарнаго знанія. Теоретико-познавательного значенія это его субъективное знаніе еще никакого не имѣтъ, ибо самая задача знанія, какъ такого, имъ еще не поставлена, не цѣнится и сознательно не преслѣдуется. На этой ступени субъективнаго знанія ради только практическихъ нуждъ,—не знающаго о себѣ, есть-ли оно знаніе, или нѣть,—остается мышленіе животныхъ, дѣтей, дикарей и людей, лишенныхъ всякаго развитія. Это ихъ знаніе не есть еще собственно ни знаніе, ни вѣра, но простое «мышленіе извѣстнаго содержанія съ нѣкоторою практическимъ доста-
точною увѣренностью».

Для того, чтобы явилась теоретико-познавательная дѣятельность, чтобы получилось дѣйствительное знаніе и выдѣлилась изо всего «мыслимаго съ нѣкоторой увѣренностьюю содержанія» дѣйствительная вѣра, необходимо, чтобы мысль поставила себѣ опредѣленную задачу теоретического познанія и осуществила ея необходимое условіе. И то и другое требуетъ особыхъ, специфическихъ актовъ воли, создаетъ для нея въ области теоретического познанія и вѣры особыя, специфическія условия и положенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ставить гносеологію въ необходимость включить въ кругъ своихъ предметовъ и ее, не ограничиваясь одними чисто-интеллектуальными, познавательными состояніями.

Дѣло теоретического познанія начинается съ того момента, когда человѣкъ, не довольствуясь одною достаточной для своихъ практическихъ нуждъ увѣренностью въ содержаніи своихъ наличныхъ представлений, начинаетъ искать представлений общегодныхъ, въ которыхъ можно было бы быть увѣреннымъ *вообще* какъ въ соответствующихъ предмету, независимому отъ мысли о немъ того или другого ума,—*предметныхъ*. Только съ этого момента начинается со-

знательная, критическая переработка имъ своихъ наличныхъ представлений, сознательное исканіе и построеніе новыхъ, при чёмъ онъ намѣренно вводитъ свои представлениа въ разныя новыя сочетанія, отказывается отъ однихъ, непосредственно его сознанію предстоящихъ, замѣняетъ ихъ другими и т. д. Начинается работа отчетнаго, критического, логического мышленія. Участіе воли необходимо для этой работы уже въ установлениі самаго первого ея условія.

Такимъ первымъ условиемъ моего критического отношенія къ наличному въ моемъ сознаніи представлению является увѣренность, что это представление оправдывается не одной своей наличностью, не однимъ тѣмъ, что оно въ моемъ сознаніи дано, но соотвѣтствіемъ его содержанію того предмета, о которомъ оно, по предположенію, сообщаетъ мнѣ нѣкоторое знаніе. Здѣсь мысль такимъ образомъ прежде всего полагаетъ какой-то предметъ, собственная опредѣленность котораго не зависитъ отъ моего субъективнаго состоянія—представлениа о немъ, моего случайнаго къ нему отношенія, котораго могло бы и не быть безъ ущерба для этой собственной опредѣленности предмета. На этотъ предметъ, съ его самостоятельными опредѣленіями, мое представление о немъ, мои отношенія къ нему отнынѣ только указываютъ мысли, но не покрываютъ его, ибо возможны и другія о немъ представлениа и другія къ нему отношенія, и съ его собственной опредѣленностью должно быть согласовано и мое представление о немъ, составленное по моимъ отношеніямъ къ нему и его отношеніямъ къ другимъ предметамъ. Хотя я и знаю о предметѣ что-либо только по этимъ отношеніямъ, т.-е. только *отвѣтъ*, въ его внѣшности и мнѣ самому и другимъ предметамъ, не имѣя въ этомъ знаніи средства проникнуть въ его собственное, внутреннее, неисчерпываемое его внѣшними отношеніями существо,—но принадлежность ему такого самостоятельного существа, независимаго отъ моего представлениа о немъ, должна быть для меня несомнѣнною, разъ я требую *предметности* моего представлениа о немъ. Но самое признаніе предмета, имѣющаго соб-

ственную опредѣленность независимо отъ того случайного отношенія, въ которомъ я къ нему стою, того случайного впечатлѣнія, которое я отъ него испытываю,—опредѣленность, которую я въ этой ея независимости и стремлюсь познать, есть актъ *воли*, не основанный на данныхъ интеллекта. Ни чувственный опытъ, ни опредѣленія разума не говорятъ мнѣ ни о чмъ, кромѣ отношеній, болѣе или менѣе случайныхъ или общихъ, не говорять ни о чмъ, что этими отношеніями вполнѣ бы не покрывалось, но ими еще не покрывается необходимый для теоретического знанія *предметъ*. Изъ одного интеллекта мы о послѣднемъ ничего бы не знали, а безъ него въ теоретическомъ познаніи обойтись не можемъ. Это признаніе безотносительного, самостоятельного бытія предмета внѣ и независимо отъ познающаго субъекта предполагается критическимъ знаніемъ уже вначалѣ и есть дѣло моей воли — моего хотѣнія имѣть предметное, не случайное и субъективное, но соответствующее какои-либо независящей отъ меня дѣйствительности, знаніе. Но это же самое условіе знанія ставитъ мнѣ въ дальнѣйшемъ процес-съ послѣдняго, въ возведеніи его на степень дѣйствительно предметнаго, общегоднаго, критического знанія—слѣдующее требованіе: познавая самостоятельную, внѣшнюю мнѣ опредѣленность предмета, я не долженъ вносить въ нее требованій моей личной воли и чувства, какъ совершенно чуждыхъ предметной опредѣленности, *внѣшнихъ* ей. Такимъ образомъ вытекающее изъ моей *воли* знать предметъ признаніе самостоятельной, внѣшней мнѣ предметности вообще, предполагаетъ во 1-хъ) дальнѣйшее устраненіе изъ познаванія предмета, если я этого познанія хочу, внимательства моихъ чуждыхъ и внѣшнихъ ему, какъ такому, воли и чувства, т. е. предполагаетъ *безвольность* предметнаго знанія, а во 2-хъ) обращеніе всего моего знанія о предметѣ въ его независимости отъ меня, чуждости мнѣ и внѣшности, въ знаніе только феноменальное, въ знаніе его только *отвнѣ*, лишь во *внѣшнихъ* и общихъ его опредѣленіяхъ, но не въ его собственномъ *внутреннемъ* и индивидуальномъ существѣ,—въ *cognitio circsa*

тем, а не въ *cognitio rei* *). Безволіе и безстрастіе въ уясненіи и установлениі содержанія своего знанія о предметѣ, будь этотъ предметъ гніючій трупъ или распускающійся розанъ, возмутительнѣйшее преступленіе или высокій подвигъ, самое великое и важное или самое ничтожное съ точки зрењія нашихъ личныхъ нуждъ и интересовъ,—съ одной стороны; феноменальность, условность нашего знанія о внѣшнемъ намъ предметѣ какъ такомъ, отказъ отъ попытки путемъ того же знанія проникнуть въ его собственное внутреннее существо—съ другой стороны: вотъ на что обрекаетъ себя мысль человѣческая, поставивъ себѣ задачу пріобрѣтенія *предметнаю*, общегоднаго знанія, — признавъ съ этой цѣлью внѣшній себѣ и независимый въ своей определенности предметъ. Она *вольно* обрекаетъ себя на безволіе и безстрастіе въ уясненіи содержанія своего предмета

*) Феноменальность, знаніе о предметѣ только изъ его внѣшнихъ отношений къ познающему субъекту и другимъ предметамъ, но не по его внутреннему существу, есть необходимое свойство всякаго знанія предметного, т.-е. полагающаго свой предметъ *внѣ* и независимо отъ познающаго субъекта, не *совпадающимъ* съ этимъ субъектомъ и не *внутренно единымъ* съ нимъ. Феноменально всякое *предметное* знаніе и на всѣхъ своихъ ступеняхъ, будь оно знаніе эмпирическое или рациональное (ибо въ томъ и другомъ предметъ опредѣляется не по существу своему, а по тѣмъ отношениямъ, въ которыхъ стоитъ къ тому, что *внѣ* его). Съ одной стороны очевидно, что никакія логическія операции надъ знаніемъ феноменальнымъ не обратятъ его въ знаніе субстанціальное, знаніе самого внутренняго существа предмета, какъ и никакая группировка хлѣбныхъ зеренъ не дастъ намъ ни одного апельсина. Въ знаніи изъ отношений, по отношениямъ и т. п. не можетъ и не должно быть, пока оно логически вѣрно себѣ, никакого знанія о внутреннемъ существѣ, ничего, кроме знанія внѣшнихъ определеній и отношений. И если поэтъ могъ высказать известную жалобу:

In's Innre der Natur dringt kein erschaffner Geist.
Glückselig wem sie nur die äussre Schale weist,

то для ученаго, познающаго природу отвнѣ, по слѣдамъ Декарта, въ этой природѣ вовсе и нѣтъ и не должно быть (для предметного знанія) ничего внутренняго, но все внѣшне. Природа для него — мертвый механизмъ. Отсюда изъ этой феноменальности предметного знанія, познаваемости въ немъ предмета лишь какъ опредѣляемаго отвнѣ, — полная законность и неизбѣжность въ этой области *механическаго* воззрѣнія, всѣ основоположенія котораго логически вытекаютъ изъ этой *внѣшности* знанія о предметѣ.

наго знанія и на феноменальность только этого знанія, постигающаго одно вѣшнее въ предметѣ.

Но безволіе и безстрastіе знанія о предметности, признанной уже изначала безотносительною, чуждою и виѣшнею самому познающему субъекту, является и необходимымъ требованіемъ самого существа *логического* процесса вообще, того процесса, путемъ котораго предметное знаніе еще не находящееся въ моемъ обладаніи, мною постепенно пріобрѣтается, критически устанавливается. Приступая къ критикѣ своихъ наличныхъ, непосредственно данныхъ въ сознаніи представлений для обращенія ихъ изъ чисто субъективныхъ въ общегодныя, предметныя, мысль ко всѣмъ имъ, въ ихъ непосредственной данности, обязательно относится *отрицательно*. Она всѣмъ имъ отказываетъ въ довѣріи, по скольку они только непосредственно даны ей, находятся ею уже вполнѣ готовыми, неизвѣстно откуда и почему обладающими такимъ, а не инымъ содержаніемъ. Въ этомъ содержаніи, прежде чѣмъ согласиться съ нимъ, признать его, принять какъ общегодное, предметное, критическая мысль стремится дать себѣ возможно точный *отчетъ*. До результатовъ послѣдняго все это содержаніе ищущей предметного знанія мысли остается для нея обязательно подъ *сомнѣніемъ*, не принимается ею за знаніе во имя какихъ бы то ни было важныхъ потребностей воли и чувства. Исключеніе изъ этого обязательного для мысли *сомнѣнія*, требованія отчета въ содержаніи своихъ сужденій и понятій составляютъ лишь немногія основные положенія и понятія, которые составляютъ условіе возможнаго изслѣдованія въ данной области и которые въ этой области принимаются какъ *положительныя*, не требующія еще своего оправданія и обоснованія (такія начала необходимо должны лежать въ основѣ каждой науки и всякой цѣпи доказательствъ). Все прочее обязательно подлежитъ сомнѣнію и требуетъ отчета, почему, на какихъ основаніяхъ оно мыслится, прежде чѣмъ мысль признаетъ его окончательно своимъ достояніемъ. Такого рода отчетъ въ содержаніи своихъ понятій получаетъ мысль, когда, не принимая

его въ томъ видѣ, какъ оно ей непосредственно дано, разлагаетъ это содержаніе на его послѣдніе элементы и затѣмъ снова изъ нихъ сознательно *построяетъ*. Изъ этого двоякаго процесса она убѣждается, что при данныхъ элементахъ и условіяхъ построенія *не могло получиться* иного содержанія цѣлаго понятія, какъ такое-то, что въ содержаніи приемлемаго мыслю понятія нѣтъ ничего посторонняго, ничего такого, что не было дано уже въ элементахъ и условіяхъ самаго построенія. Таковъ смыслъ всякой логической очевидности, являющейся въ результатахъ построенія цѣлаго понятія,—будь это построеніе отвлеченно-логическое, или геометрическое, или будь оно основано на чувственномъ опыте и наблюденіи. Смыслъ этотъ тотъ, что при такихъ-то условіяхъ построенія мысли иное содержаніе ея *невозможно*; и только на этомъ признаніи невозможности иного содержанія понятія, чѣмъ найденное, успокаивается логическое мышленіе, принимая это содержаніе, соглашаясь съ нимъ только потому, что иное невозможно, т.-е. по отрицательному основанію, будучи къ тому вынуждена логической необходимости. Такова общая характеристика логического отчетнаго мышленія. Согласіе мое съ такою-то мыслю объ изучаемомъ предметѣ здѣсь есть только *признаніе невозможности* прійти къ иной мысли при тѣхъ же данныхъ и условіяхъ построенія. Оно является *отрицательнымъ*, вынужденнымъ результатомъ самого построенія, слѣдующимъ уже за *его* полнымъ завершеніемъ, послѣ всѣхъ актовъ анализа и синтеза, входившихъ въ процессъ этого построенія. Это—согласіе съ мыслю *a parte post*, послѣ изслѣдованія, согласіе, обязательно вынужденное. Конечно, если логическое, отчетное мышленіе приводить мою мысль къ результату, что мыслить иначе, чѣмъ такъ-то, невозможно, разъ даны такие-то материали и условія построенія,—къ положеніямъ, утверждающимъ лишь то, что (въ данныхъ условіяхъ) *не можетъ не быть*, — то отъ всякаго вмѣшательства въ его процессы должны быть устранины какія бы то ни было положительныя требованія моей воли и личнаго чувства. Логическое мышленіе тѣмъ

логичнѣе, отчетнѣе и предметнѣе, чѣмъ оно безвольнѣе, безстрастнѣе и безличнѣе, чѣмъ оно менѣе оправдывается „охотнымъ согласиемъ“.

Чѣмъ энергичнѣе и сознательнѣе стремится воля къ задачѣ пріобрѣтенія отчетнаго, предметнаго знанія и чѣмъ она остается вѣрнѣе основному предположенію этого знанія (внѣшней субъекту самостоятельной предметности), ею же самою, а не интеллектомъ поставленному, — тѣмъ тщательнѣе устраняется она отъ всякаго вмѣшательства въ определеніе самого *содержанія* пріобрѣтаемаго предметнаго знанія; тѣмъ рѣшительнѣе принимаетъ она за предметное знаніе въ этомъ содержаніи не то, чего она по какимъ-либо своимъ мотивамъ положительно *хочетъ*, но лишь то, чего она по логической необходимости, неизбѣжности, *не принять не можетъ*, отказываясь, въ дѣлѣ принятія или непринятія того или иного содержанія предметнаго и всегда, какъ мы видѣли, феноменального знанія, отъ всякой *свободы* и сознательно подчиняясь одной *логической понудительности* построения. Объ охотномъ согласіи съ предлагаемымъ теоретико-познавательнымъ положеніемъ въ этой области рѣчи быть не можетъ, ибо здѣсь согласіе обязательно допускается лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно *вынуждено*, неизбѣжно, не взирая на наше „хотѣніе“ или „нехотѣніе“. Предметное знаніе и знаніе безвольное, безкорыстное и безстратное — синонимы.

Этой безвольностью, безстрастностью и безкорыстностью предметнаго знанія объясняется и его сравнительно ограниченное значеніе въ *общей экономіи* душевной жизни и его только ограничивающее, задерживающее, отрицательное влияніе на дѣятельную волю. Предметное, феноменальное знаніе, какъ такое, никогда положительно не возбуждаетъ волю самоѣ по себѣ къ дѣятельности. Указывая ей лишь условія и средства осуществленія ея собственныхъ задачъ, не оно ставить ей самыя эти задачи. Единственное прямое дѣйствіе, какое предметное знаніе можетъ оказывать на постановку волею себѣ задачъ и ея энергию въ ихъ преслѣдованіи, состоитъ въ

тому, что, указывая волѣ на условія ихъ осуществленія, оно удерживаетъ ее отъ преслѣдованія задачъ, признанныхъ неосуществимыми, ограничиваетъ ея хотѣнія и обуздываетъ ея страстную энергию. Оно такимъ образомъ является въ отношеніи воли лишь задерживающимъ, регулирующимъ началомъ. Обратного никогда не происходитъ, и если ясное сознаніе неосуществимости извѣстной задачи можетъ удержать волю отъ безплодныхъ стремленій къ ней, то никогда одно ясное сознаніе осуществимости какого-либо дѣйствія *само по себѣ* не побудить волю къ энергическому совершенію этого дѣйствія предпочтительно передъ другимъ, тоже осуществимымъ, — кромѣ развѣ у безумнаго. Положительное возбужденіе энергіи воли и опредѣленіе ея задачъ — дѣло не предметнаго познанія, не интеллекта какъ такого. Поэтому-то и вѣчно чисто рационалистическая система морали, ищущія для воли руководства лишь въ познающемъ разумѣ, интеллектѣ, не даютъ ничего, кромѣ системы отрицательныхъ запретительныхъ предписаній, но ни одного положительного. Послѣднее, какъ я указывалъ въ другомъ мѣстѣ *), есть дѣло чувства. Но здѣсь мы выходимъ уже за предѣлы нашего вопроса.

П. Астафьевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) Чувство, какъ нравственное начало, гл. I-я.